

ЧИТАЙТЕ В ЦИКЛЕ

ПРЕКРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЫ

*Запутанная игра
Прекрасные дьяволы*

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ЕВА ЭШВУД

Прекрасные
ДЬЯВОЛЫ

Freedom

МОСКВА
2025

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э98

Eva Ashwood

BEAUTIFUL DEVILS

Copyright © 2022 by Eva Ashwood

Художественное оформление *Анастасии Яковенко*

Эшвуд, Ева.

Э98 Прекрасные дьяволы / Ева Эшвуд ; [перевод с английского Ю. Серegiной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Freedom. Прекрасные дьяволы. Темные романы Евы Эшвуд).

ISBN 978-5-04-200781-1

Они завладели моим сердцем, но лишь для того, чтобы его разбить.

После долгих лет, проведенных с навязчивым ощущением, что мне нигде нет места, я наконец обрела себя рядом с братьями Ворониными. Я чувствовала себя живой и могла быть настоящей только с ними и... в их постелях. Мэлис, Виктор и Рэнсом показали ту сторону меня, о существовании которой я не подозревала, и помогли мне принять тьму, от которой я так долго пыталась спрятаться. Но все это было иллюзией. Прекрасные дьяволы лгали мне. Использовали меня. И теперь под угрозой не только мое сердце. В опасности и вся моя жизнь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-200781-1

© Серегина Ю., перевод на русский язык, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Для всех читательниц, которые только и ждут,
когда морально серый антигерой поставит их на ко-
лени и прошепчет:*

«Хорошая девочка»

Уиниду

Голова раскалывается.

Боль пульсирует в висках, и кажется, будто каждый тупой удар вот-вот разобьет череп, и мои затуманенные мозги растекутся по полу. У меня пересохло в горле, и требуется целая секунда, чтобы отлепить язык от нёба. И пусть глаза закрыты, клянусь, я чувствую, как мир вокруг вращается, и меня охватывает тревожное чувство, что я того и гляди вытошню все содержимое желудка.

Но, в конце концов, это проходит, и я делаю глубокий вдох, пытаюсь вспомнить, что со мной произошло.

Веки тяжелеют и, когда я пытаюсь их открыть, не поддаются. Я хмурюсь, сбита с толку. Каждый раз, когда я силюсь понять, что происходит и где я нахожусь, детали почему-то ускользают. С губ, пока я пытаюсь привести мысли в порядок, невольно срывается стон.

— А-а. Проснулась.

Низкий голос доносится откуда-то поблизости, и я слегка вздрагиваю, когда разум сосредотачивается на звуке. Голос грубоватый и отрывистый, и когда за этим предложением следуют русские слова, которых

я не понимаю, в голове сразу мелькает мысль — это Мэлис.

Иногда он бормочет что-то на этом языке, говоря либо совершенно ужасные вещи, которые я не должна понимать, либо какие-то сладкие нежности. Вечно с ним так.

Мысль о том, что это он, успокаивает мои нервы, ведь если Мэлис здесь, значит, я с ними. С тремя братьями Ворониными.

Это значит, что я в безопасности.

Но так ли это?

Меня внезапно посещает эта мысль, и я хмурюсь. Мозг захватывает тревога, мелькает какая-то важная деталь, и я пытаюсь заставить свой вялый разум сопоставить факты, понять... и когда это происходит, чувство безопасности тает в одно мгновение.

Все, что произошло в те ранние предрассветные часы, будто смывает меня волной.

Я вспоминаю, как жила на превращенном в дом складе парней. Я помню, как начала испытывать к ним симпатию. Как было весело с Рэнсомом, как меня поглощал Мэлис, как я установила странную, чудаковатую связь с Виком из-за банки арахисового масла.

Я помню, как они сражались за меня.

Убивали ради меня.

Они говорили, что никто другой меня не получит.

Я помню ту ночь, когда мой бывший босс Карл постучался ко мне и потребовал, чтобы я заплатила ему своим телом, лишь бы он умолчал о том факте, что я была в борделе в ночь, когда братья сожгли его после убийства Николая Петрова.

Вик прикончил Карла, но тот факт, что некий таинственный незнакомец охотился за людьми, ответ-

ственными за убийство Николая, означал, что я — потенциальная мишень. Я была свидетельницей всего, что произошло той ночью, поэтому они не могли просто так позволить мне уйти.

После того, как я переехала к братьям, между нами установился непростой мир, который сохранялся только потому, что они не могли позволить себе выгнать меня из-за рисков быть разоблаченными, а я не хотела злить их своим побегом. Но потом все начало меняться.

Мы начали понимать друг друга.

Доверять друг другу.

Желать друг друга.

В голове всплывают образы той ночи, когда я занималась сексом с Мэлисом и Рэнсомом, и, словно по сигналу, все еще заживающая татуировка на моей груди начинает слегка пульсировать. Мэлис пометил меня, а потом они с Рэнсомом меня оттрахали, пока Вик наблюдал за этим, держа себя под привычным ему контролем.

Но воспоминание о сексе с ними заставляет вспомнить и все остальное. Это так же причиняет боль, как и тот момент, когда я вживую увидела секс-видео на компьютере Вика.

Гребаное отвратительное видео, снятое ими, демонстрировало меня во всех компрометирующих позах, какие только возможны. А еще сообщение, которое сопровождало его. В нем говорилось ужасное. Что я ничего не стою. Что я грязная шлюха. Мусор.

Это причиняет боль, она пронзает меня насквозь, словно хочет вскрыть мое нутро и обнажить душу перед этой комнатой.

Вот почему я сбежала. Вот почему не смогла там остаться.

Потому что, если они видят меня такой, если такие вещи они рассказывают обо мне людям, тогда я не хочу находиться рядом с ними.

Как я вообще могла им доверять?

Слезы застилают глаза, и я снова издаю стон.

Тот, кто стоит рядом, подходит на шаг ближе, шаги громко отдаются по полу. Сильные пальцы хватают меня за подбородок, грубо впиваясь в плоть.

Я судорожно втягиваю воздух и медленно открываю глаза, заставляя тело подчиняться. Если это Мэлис, если им удалось меня найти, тогда мне снова придется бежать. Я должна послать его и велеть оставить меня в покое. Сказать, что я не хочу иметь с ними ничего общего.

Как только я открываю глаза, на секунду вокруг все плывет, и я обнаруживаю, что смотрю в лицо мужчине.

Но это не Мэлис.

Я не узнаю этого человека, хотя в нем есть что-то почти... знакомое. Нечто в его чертах. И когда я напрягаю память, силясь вспомнить, где видела его раньше, голова начинает болеть.

И тут до меня доходит. Эти темные глаза с прищуром. Этот нос и очертания скул.

Он очень похож на Николая Петрова.

Но Николай мертв, так что это явно его брат. *Илья*.

Сердце сжимается от осознания, и меня охватывает страх. Прилив адреналина и ужаса, разливающийся по венам, прогоняет остатки дурноты, которая все еще не покидает меня, и сердце начинает тревожно биться о грудную клетку.

Илья удовлетворенно кивает, его темные глаза скользят по моему лицу.

— Хорошо, — говорит он. — Молодец. Мне нужно, чтобы ты полностью была в сознании.

Он отходит от меня и я наконец оглядываюсь, чтобы понять, где нахожусь. В комнате темно, но, похоже, я в каком-то заброшенном здании. Оно старое, с прогнившим деревом в некоторых местах. В полу и стенах дыры, сквозь которые видны оголенные провода и остов здания.

Я дергаюсь на жестком деревянном стуле, на котором сижу, и веревки, обмотанные вокруг меня, впиваются в кожу, удерживая мои запястья за спиной и крепко прижимая торс к стулу.

Борьба приводит лишь к тому, что веревка до крови натирает кожу, и у меня скручивает желудок, когда я понимаю, насколько это хуже, чем снова проснуться на складе братьев Ворониных.

Это плохо.

Очень, очень плохо.

Во мне поднимается паника, и я извиваюсь чуть сильнее, пытаюсь нащупать хоть какую-то лазейку в тугих узлах, но ее нет. Мне некуда деваться.

Илья фыркает себе под нос, словно его забавляют мои жалкие попытки освободиться. Повернувшись ко мне спиной, он подходит к шаткому столу, стоящему неподалеку. Отсюда мне видно несколько выложенных на нем предметов, и я вытягиваю шею, чтобы приглядеться получше, и тут в груди начинает щемить.

Илья берет нож и поднимает его так, чтобы он блестел в свете голой лампочки, мотающейся над головой. Затем он возвращается ко мне.

— Я выслеживал ублюдков, которые убили моего брата, — поясняет он. Когда он говорит о Николае, его русский акцент становится резче, и я не могу поверить, что сначала приняла его за Мэлиса. — Мы

не были особенно близки, но за кровь нужно платить кровью. — Он смотрит на меня сверху вниз, и в его темных глазах горит нечто зловещее. — Они хорошо скрыли свои следы. Я ничего не мог найти. Но потом они совершили одну ошибку.

Илья замолкает, словно ждет, что я спрошу, в чем была ошибка, или скажу что-нибудь еще. Но у меня во рту слишком пересохло, чтобы говорить, и я застываю на месте, ненавидя то, что чувствую под этим ужасным взглядом, направленным на меня.

— Они пришли за мной, — наконец говорит он, отвечая на вопрос, который я так и не задала. — Напали на меня в моем же собственном отеле. После этого мне удалось их выследить. Это было довольно легко, хотя они и думали, что им удалось скрыться.

С этими словами он подходит на шаг ближе, поднимая лезвие ножа. Я практически не дышу, кровь заледенела в жилах, я боюсь пошевелиться или даже вздохнуть.

Когда он проводит холодным лезвием по моей руке, разрезая ткань рукава рубашки, я чувствую, какое оно холодное. Сначала едва ощущаю острие, но, когда он добирается до моего плеча и царапает кожу, я резко вздыхаю.

Его грубоватое выражение лица не меняется, и он продолжает, опуская нож между моих грудей, разрезая рубашку и снова царапая меня.

Порезы неглубокие, но из-за них у меня будут шрамы, и по мере того, как он делает их все больше и больше, маленькие ранки начинают перерастать в огромные; с каждым вздохом я ощущаю невыносимую боль.

Хуже всего то, что я знаю — он делает это нарочно. Пытается обнажить меня перед собой и в то же время

причинить мне боль. Он делает надрезы настолько глубоко, насколько хочет, но может зайти гораздо глубже.

Он может разрезать меня на куски прямо здесь.

Может *убить* меня в любой момент.

Каждый раз, когда нож вонзается в кожу, мне приходится сдерживаться, чтобы не сдвинуться с места. Я не хочу шевелиться и помогать ему резать меня глубже. Не желаю истекать кровью в этом дерьмовом здании.

Илья продолжает говорить, поддерживая со мной односторонний разговор, как будто это обычный вторник. Его взгляд прикован к ножу и тем остаткам кожи, которые он еще не обнажил.

— Я разрабатывал стратегию, план по поимке убийц Николая. Хотел заставить их заплатить за то, что они сделали. Я наблюдал за их складом, пытался оценить их слабые места, и что же я увидел? Маленький олененок, сбегающий поутру. И вот она, возможность. — Из его груди вырывается хриплый смешок. — Ведь, как известно, маленьких оленят гораздо легче загнать, чем волков.

Произнося последние слова, он проводит лезвием по моему горлу, и я даже не смею сглотнуть, буквально удерживаемая страхом на кончике ножа. Но он не режет. Вместо этого он двигается вниз по другой моей руке, и я почти падаю в обморок от облегчения, что меня еще не убили.

Затуманенный взгляд Ильи скользит по моему лицу, и мне хочется отвернуться от него, но я не делаю этого. Он хищник, да, а я его жертва, но не стану вести себя подобным образом.

— И вот, я поймал тебя, — продолжает он. — У тебя есть информация, которая мне нужна, чтобы убраться этих людей, и ты мне ее дашь.

У меня кружится голова, в животе все переворачивается от явной угрозы, прозвучавшей в его тоне. Этот человек может легко убить меня. Может пытаться до тех пор, пока я не расскажу ему все, что он хочет знать, все секреты, которые когда-либо раскрывали мне братья Воронины, а затем убить за причиненное беспокойство. После чего он отправится за братьями и, вероятно, победит. Они втроем будут драться как проклятые, но...

Я хочу отогнать от себя эту мысль, поскольку мне должно быть все равно. Я не должна ничего к ним чувствовать. Они сами виноваты, сами пошли на риск, который, по их словам, был приемлемым, если это означало, что они отомстят.

И теперь я в центре этого дерьмового шоу.

Острый кончик ножа Ильи разрезает мою рубашку так, что она сползает с одной стороны. Конечно, это та сторона, где шрамов больше всего, та сторона, где нервы настолько разрушены, что порезы не приносят такой уж сильной боли.

Взгляд Ильи задерживается на грубых участках зажившей кожи, и его губы кривятся.

— Ты испорчена. Никогда бы не подумал, что эти парни станут держать у себя такую сломленную, жалкую зверушку, — усмехается он.

На секунду он становится еще больше похож на своего брата, чем раньше. Я отчетливо помню, как Николай стоял надо мной с таким же выражением отвращения на лице в ту ночь, когда чуть не лишил меня девственности.

Меня охватывает тошнота, желчь отчаянно пытается пробиться к горлу. Ноздри раздуваются, когда я втягиваю воздух, стараясь не учащать дыхание.

Илья отступает, забирая с собой нож. Затем подходит к столу, чтобы взять что-то еще, и я понимаю, что это будет очередное орудие пыток. Только хуже.

Я дергаюсь в своих путах, извиваясь изо всех сил. Я не могу просто сидеть здесь и позволять ему это делать. Не могу просто сдаться.

Стул слегка покачивается от моих резких движений, и в этот момент я замечаю, что одна из ножек немного прогибается под моим весом. Стул кажется таким же старым и скрипучим, как и все остальное в этом месте, и я хватаюсь за эту маленькую искорку надежды. Глубоко вздохнув, ядвигаю бедрами из стороны в сторону, надавливая на поврежденную сторону стула, подвергая шаткую ножку все большему давлению.

Когда стул падает, я испытываю настоящий шок. Ножка отламывается от сиденья, и я падаю на пол. От удара старое дерево стула раскалывается еще сильнее, и, резко дернув запястьями, я освобождаюсь. Запястья все еще связаны за спиной, но, кроме этого, меня больше ничто не удерживает.

Я действую на чистом адреналине и инстинкте самосохранения, и мне удается достаточно крепко удержаться на ногах, чтобы, пошатываясь, подняться на ноги и броситься бежать. Старый пол скрипит и стонет под моим весом, пока я несусь через открытое пространство комнаты. В центре помещения, рядом с небольшой дырой в полу, где сгнило несколько половиц, лежит пучок проводов. Я избегаю ямы, но нога цепляется за один из них, и на какую-то ужасную секунду мне кажется, будто я сейчас упаду. Но от этого мое движение не замедляется. Я выдергиваю ногу, пробираясь сквозь путаницу проводов. Парочка